

* * *

Слепое утро, матовый рассвет.
В холодной лужице кривой портрет.
Дрожащей влагой залило асфальт.
Погода и весна идут не в лад.
А ум мой и душа моя в ладу.
Я тень, и никуда я не иду.
Скольжу за кем-то, может, за судьбой.
Меня не замечает мир рябой.
Проплыли мимо влажные зонты.
Очнуться не хочу для суеты.
Мне так покойно, я – никто, нигде.
Еще чуть-чуть – и растворюсь в дожде.

14.05.2000 г.

Снег стоит

Снег стоит – захватывает дух.
Еле движется легчайший пух,
Свеж и чист, как светлая душа.
Затаись, любуйся, не дыша.
Час такой дорожке ста других
Очищением помыслов твоих,
Ты, как в детстве, красоте открыт.
На руке твоей звезда блестит.
Над тобою словно белый лес,
Уходящий в глубину небес.
Тонет в пене ласковой нога.
Милы сердцу тихие снега.
Мир добреет и бледнеет тьма.
Без нее свободней бег ума
И вольнее, выше взлет души.
Затаись, любуйся, не дыши.
Еде движется легчайший пух.
Снег стоит – захватывает дух.

* * *

Сторона рассветная,
Маленькая Русь.
В душу твою светлую
Снова окунусь.

Растворюсь разнеженный
В солнечном луче,
Заблужусь в заснеженном,
Тихом пихтаче.

Спрячусь вроде лешего
От вселенской лжи -
Не отвергни грешного,
Путь мне укажи.

СТРАННАЯ ВЕСНА

Странная весна
Нынче на дворе.
Даль застлал туман,
Словно в октябре.
Солнце не пошлет
Из-за скучных туч
Яркую стрелу –
Долгожданный луч.
Мелкий, будто пыль,
Дождик за окном
Облизал сугроб
Мокрым языком.
Лужицы спешат
Тропку застеклить.
Боязно идти,
Некуда ступить.
Кажется, весь мир
Хочет навсегда
Растворить в себе
Вешняя вода.

* * *

Сходит снег, шелушась неряшливо,
Исчезают следы вчерашние,
Словно почерк судьбы, следы
От беды до другой беды.
Обнажается позапрошлое
В несварениях пира пошлого
И мозолит теперь глаза –
Изменить ничего нельзя.
И на этой зловонной мусорке
Догорают былины русские.
Средь оберточной пестроты
Пропадаешь, Отчизна, ты.
Позабыты твои Гагарины,
Все секреты твои раздарены –
Заболтали нас кореша
И продали за три гроша.
Там, где предки стояли гордые,
Приживаем теперь уродами:
Знаем похоть и аппетит,
А душа уже не болит...
Что ж ты спишь, земля, терпишь грешное?
Все мечты твои с грязью смешаны,
Вековые твои мечты.
Разве это не видишь ты?
Где же корни твои стославные?
Ведь не все же они отравлены...
Где же гнев твой святой и суд?
Снегопады нас не спасут...

ТРИ КРИСТАЛЛА

Вы поймите, разве это мало –
Лед стряхнув и бросив вызов сну,
Увидать еще одну весну,
Три ее чарующих кристалла:
Мартовский алмаз – пьянящий свет,
Вспухшие тропинки и дорожки,
Переключка капель за окошком
И хрустальный звон ночных планет;
Искрометный лазурит апреля –
Сумасшествие живой воды,
Белых снов холодные следы,
Бал цветочный на подстилке прелой;
Майский изумруд – зеленый рай,
Первой, нежной зелени прозрачность,
Юных горизонтов многозначность, -
Три кристалла: март, апрель и май.

10 марта 2000 г.

Тысячелетие

Как это важно, наконец, заметить
И осознать глубоко факт такой,
Что жили мы в одном тысячелетье:
Ты, я и благородный князь Донской.
Мы были вместе, как это не странно:
И царь Борис, и император Петр,
И Пугачев, и Пестель, и Ульянов.
Мы составляли, кажется, народ...
Но вечно разделяла нас сурово,
Сильней, чем ширь Руси, мороз ее,
С времен далеких Игоря и «Слова»
К наживе страсть: «И сё, и то моё».
Сходились часто братья в чистом поле
Дождем кровавым землю оросить,
И на земле той выросло горе,
Клич Карны разносился по Руси.
Мы сходимся на поле том поныне:
Одни, чтоб удержать в руках добро;
Другие, чтобы суд вершить дубиной,
Вбивая правду в голову, в ребро.
На поле русском снова Стенька Разин
И барство, обокравшее страну.
Еще немного – и погаснет разум
От ярости, что ни чета вину...
С времен Трояна все не перебродим,
От алчности всесильной не уйдем...
Но все же мы умели быть народом,
Когда костром горел наш общий дом.
Мы были вместе: Кожина, Кутузов,
Герой Матросов, Жуков – бог войны...
Тысячелетье в ауре иллюзий
Замкнулось кругом славы и вины.

11 декабря 2000 г. Ю. МИХАЙЛОВ.

* * *

Ужалась земля до скупого плато,
Поросшего мохом и хилой сосною.
Стоим на вершине, и бремя земное
Упало с плеча, как чужое пальто.
Открылось величье, божественность гор,
Синеют хребты и вершины немые
Планетами, тайны храня неземные.
И страшно упасть в неохватный простор.
На вечность нагую глядим, не дыша.
Такое не спрятать в сундук, не присвоить.
Над низменным здесь возвышаются двое,
Сливаясь в общении, - Бог и Душа.

* * *

Улыбнулся вдруг солнца лик,
Искры брызнули с каждой ветки.
А в глазах пополневшей Светки
Словно счастья большой цветник.

Ведь под сердцем несет дитя,
В сердце святость, любовь без края,
Светлой радости не скрывая,
Всех и все на земле простя.

Я ж, открывший глаза на миг,
Восхищенный ею любовью,
Не могу простить этой нови:
Этот хищный дележный рык.

Этот черный усобиц дым,
Это лживое суесловье.
Дай мне, Господи, сил, здоровья,
Чтобы сделать наш дом иным.

* * *

Умница,
Какая же ты умница...
Сбудутся
Пусть все твои мечты.
Улица
Пусть при тебе не хмурится,
Стелятся
Пусть для тебя мосты.
Юная,
Какая же ты юная.
Свет надежд
В доверчивых глазах.
Лунная,
Улыбка нежно-лунная
Пусть всегда
В твоих пребудет снах.
И когда
Повеет доброй мудростью
Из страны
Уже отцветших лет,
Ни следа
Пусть не оставят бури все
В снах твоих
И на твоём челе.

УСПОКОЕНЬЕ

На дворик с черемухой и сиренью
Спускается белое успокоенье,
Глубокое, мягкое, с божьей равнины.
Уютно душе под крылом лебединым...
Измученная на кресте откровений
Она исцеляется в тихом забвенье.

Утро

Морозное утро.
Луны уголок.
Волшебные искры
Летят из-под ног.
Дома, как утесы,
В таинственной мгле,
И окон не видно –
Все спят на земле.
Какое-то чудо
Со светлым хвостом
Мелькнуло на небе,
Упало за дом.
Два тополя старых
В сплошном куржаке,
Как призраки в белом,
Стоят вдалеке.
А над головою
Меж бледных столбов
Мохнатые дуги
Седых проводов.
И все-то так тихо,
Так мирно вокруг,
Как будто вернулся
Хозяин и друг.

Чем упрямей крыло

Чем упрямей крыло,
тем отчаянней почерк полета,
Чем душа беспокойней,
тем меньше себя бережет.
На крутом вираже
крылья выломать можно в два счета,
В деле правом сгореть
так же просто – не нужен и счет.
Не умеешь ты жить
без тревоги, любить без надрыва.
«Я смогу, все смогу» –
твой безжалостный, смелый девиз.
И считают друзья,
что всегда и во всем ты счастливый.
Им понять не дано,
как над пропастью узок карниз.
Строй души безоглядной,
строй редкостный, неповторимый,
Невредим, если тело
и ранят чужие мечи.
Но трусливую тень
бросит подлость на честное имя,
И обиды слеза
навернется в холодной ночи.
Есть жестокий предел,
где как будто душа выгорает.
Кто-то, видя его,
пресмыкается, лжет, предает,
Ну а кто-то идет,
как безумный, до самого края,
За которым, быть может, паденье,
а может, - полет.

* * *

Что так волнуетесь, что так шумите,
Березы милые, бросая лист к ногам,
Какое дать напутствие хотите
Мне, уплывающему к молодым снегам?
Здесь отжил я, пройдя беду и радость,
Ища свою судьбу в зеленокудрых днях.
Еще осталась горечь их и сладость
На обесцвеченных, обветренных губах,
Еще мне чудятся живые искры
Дождей, прошитых солнцем, и медовых рос,
Глаза таинственные, взгляд лучистый
Не то от счастья сладкого, не то от слез.
Еще не верится, что гаснут зори
И в вечность улетают юные мечты,
Но беспощадно, ранящим укором
Об этом мне напоминаешь, осень, ты.
Ах как волнуетесь, ах как шумите,
Березы милые, бросая лист к ногам...
Какое дать напутствие хотите
Мне, уплывающему к молодым снегам?

* * *

Что, мой друг,
глаза твои в тумане?
За спиной хулят?
Не будь к ним строг.
Ты одним своим существованьем
Для беспечной тупости
упрек.
Что поделать,
по одним дорогам
Ходят
совершенство и порок.
Не переживай –
забытым Богом
Боком выйдет клевета –
дай срок.
Выше голову,
смотри светлее.
Обернись-ка...
Там, где ты прошел,
Не дорога пепельная
тлеет,
Зеленеет трав
весенний шелк.

28 июня 2000 г.

Шахтер

Ты черен лицом и судьбой.
Вся доля твоя – подземелье
Да горькое, пьяное зелье.
И завтра твое – что забой:
Четыре шага – и стена –
Хоть бейся башкой об уступы –
Никто ничего не уступит.
Списал тебя в ад сатана.
Продал тебя бесам навек,
Последнюю отнял надежду –
Рассвет для тебя не забрезжит...
И ты уже не человек.
Не выпустят к свету тебя,
Скорее живым похоронят,
Ведь был ты опасен для трона.
Ты помнишь? Иль память слаба?
С тобою считались, и ты
Держал свою голову гордо.
Ты светочем был для народа.
Теперь ты черней черноты.
Но все-таки ты еще есть,
И если захочешь воскреснуть,
Напомни нам прежнюю песню
Про жизнь, справедливость и честь,
Про доброе имя свое.
Та песня из черных колодцев
Сквозь толщу земную пробьется,
И каждый услышит ее.

Юной матери

Одно дыхание и плоть одна –
Как будто неразрывное единство.
Но совершилось... Слышишь, - рождена
Жизнь новая. О, чудо материнства!
Забыты сладкий грех и тяжкий стон.
С улыбкой открываешь тайну детства:
Доверчивого, теплого, как сон,
И милые тревоги входят в сердце.
Как от любви светлы твои глаза,
Как ласкова твоя рука простая!
И для чего малюют образа,
Когда есть ты, живая и святая.

Ноябрь 2000 г.

* * *

Я иду сам не свой
в одуванчиковом звездопаде,
Подставляя лицо
золотисто-зеленым ветрам.
Я – сознание любви,
и другого мне счастья не надо.
Все, что дышит, смеется,
шумит надо мною, - я сам.

Но меня убивает
безудержное потребление,
За которым пустыня –
я вижу ее вдалеке.
Горы пепла и дым
наступают жестокою тенью
На меня, растворенного
в светлой лиственной реке.

В ней – живительный дух,
в них – безумие и разрушение.
В ней – гармония связей живых,
в них – конец.
Если жадность сильнее,
нет тогда от пустыни спасенья.
Но в душе прорастает
последний, упрямый боец.

Пусть терзают меня,
подло щерясь, двуногие волки –
Я не сдамся, пока
хоть один мой цветок будет жить.
Тешьтесь сколько угодно,
без радости, смысла и толка –
Завтра выпадет снег,
послезавтра нахлынут дожди.

* * *

Я из шелеста добрых берез,
Из печального шума дождя,
Из высоких и яростных гроз
И веселого плеска ручья.
Я из зноя июльского дня,
Из суровой упрямой пурги.
И одни у Земли, у меня
Радость, горе, друзья и враги.

* * *

Я ладонь к окну поднес.
Холодно... Раздвинул шторы.
На стекле гравер-мороз
Чертит тонкие узоры.
В небе месяц молодой,
Как на дне пруда колечко
Под прозрачною водой.
Но тепло в избе у печки.
На беленом потолке
Отсвет пламени играет,
Как зарница вдалеке
В час грозы в соседнем крае.
Дремлет за работой мать,
Чуть поскрипывает прялка.
Очень поздно, но проспять
Ночь такую просто жалко.

А. И.

На душе твоей ледоход,
А в глазах – то смех, то слеза.
Пролетел еще один год,
Как пугливая стрекоза.
Лед идет: от ударов гул.
Холодна реки глубина.
Хоть бы кто-нибудь намекнул,
Где заветная сторона –
Для души истомленной мед,
Воплощенье твоей мечты,
Где большая любовь живет,
Где бездушной нет суеты.
Взгляда тайну закрыла вдруг
Осторожно прямая прядь.
На мгновенье забыв подруг,
Ты куда-то плывешь опять.
Может льдина – твой хрупкий плот?
Не уплыть на ней далеко.
Но тоскует душа, зовет.
Оставаться ей нелегко.
Не понять ей, что этот край
Лучше всякого – в нем есть ты.
Ты сама – неоткрытый рай,
Воплощенье чужой мечты.

25 апреля 2000 г.

БЕЛЫХ ГНЕЗД НЕ ЖАЛЕЙТЕ

Белогнездый февраль
уступает дорогу весне,
Подставляя бока отлежалые
яркому солнцу.
Все еще в забытьи,
в синем, вязком предутреннем сне,
Но, нет-нет, и душа истомленная
вдруг встрепенется.
Оседает февраль,
молодым улыбаясь ветрам
И устало роняя
холодные, белые гнезда.
Еще робок рассвет,
сладок хруст под окном по утрам,
Но уже тяжкий грех –
подниматься к любви очень поздно.
Белых гнезд не жалеите,
ведь в них народились давно
Дни янтарные,
полные разных чудесных открытий.
Не жалеите любви,
что от стужи спасла: все равно
Вас опутают скоро
зеленые, свежие нити.
Не противьтесь природе,
страданья и пепел храня.
Не они, а вы сами
себя не пускаете к жизни...
Белогнездье смирения
в сполохах нового дня
Рассыпается в дым
над моею весенней Отчизной.

6 марта 2000 г.

БОЮСЬ

Я боюсь тебя обидеть
Тем, что спорю с наваждением,
Я боюсь тебя обидеть
Горечью несовпаденья.
Я боюсь тебя унижить
Глупой фразой, тусклым взглядом,
Я боюсь тебя унижить
Тем, что верен слову «надо».
Я боюсь, что тень коснется
Глаз, в которых столько света,
Я боюсь, померкнет солнце...
Не прощу себя за это.

В горах

На Двухглавой – густой туман,
На Двухглавой – холодный дождь...
Здесь внезапный просвет – обман,
Признак верного спуска – ложь.
Все продрогли. За валуном
Под одним собрались плащом
И, последним делясь теплом,
Говорим, бодрясь, кто о чем.
Не смогли развести костер –
Отсырело все до костей.
Видно, вздумали духи гор
Испытать на излом гостей.
И стоим мы, как странный гриб:
Шляпка-плащ, восемнадцать ног, -
Утверждая среди серых глыб,
Что и в нас жив единства бог,
Что в ячеистых городах,
Где поделено, вроде, все,
Не утратилось без следа
Душ спасительное родство.

В ДОЖДЬ

Любо мне махать косой,
Когда дождь снует густой
Все резвей и веселей –
Я ведь сын травы, дождей.
Как горячая земля,
Влагу впитываю я.
Будто свитый из стеблей,
Силу чувствую корней.
Словно радость, воздух пью
И простую песнь пою.

Вернулся

Я вернулся в зиму
Из чужого лета
И умылся снова
Белизною, светом.
Хороши за морем
Кактусы и пальмы.
Только нет там снега
И таежной дали.
Виденного края
Не браню, не хаю,
Но земли родимой
Лучше я не знаю.

Вершина

Мир космоса соединяя
С извечной суетой земной,
Встает все чаще предо мной
Вершина мудрости седая.
В минуты добрых начинаний,
В часы отчаянных трудов,
В миг слабости, когда готов
Закрыться от людских страданий,
В момент соблазна, униженья
Иль злобы, словно ночь, слепой –
Всегда она передо мной –
Вершина чести, откровенья.
Над пеленой теней летучих
Она встает как божий храм,
Как оправдание всем нам:
И павшим во грехе, и лучшим.
Все ищем чуда, смысла, счастья
В глухой и душной тесноте,
Но дарим взоры высоте,
Где свет, где разума всевластье,
Все бродим в сутолоке мгlistой
Своих желаний и страстей.
Но, падая, взываем к ней –
Вершине благородных истин...
Курятся склоны исполина,
Зовут, сопутствуя везде,
Взойти по каменной гряде,
Сжигая плоть в мирском труде,
К духовной, праведной вершине.

ВЕШНЕЕ ЗЕРКАЛО

Земля вдруг стала зеркалом,
Очнувшись после стужи.
Весь город исковеркало
В огромных синих лужах.
Все рядом с солнцем плавает:
Дома, машины, люди,
Усталые и бравые,
Судимые и судьи.
Стократно отраженные,
Премного занятые,
Бежим разгоряченные
Погрязшие, святые.
Все вскрыла правда вешняя,
Разворошив сугробы,
Дела дурные, грешные
И доброй, чистой пробы.

* * *

Вы знаете, а все же жизнь загадка.
Порой синя, как неба глубина.
Закружит в бездне нас свободной, сладкой,
Затем вернет на землю нас она.

А иногда в ней розового больше.
Когда уже устанешь ждать рассвет,
Она блеснет в глаза росой божьей
И в миг зарей разгонит темень бед.

Еще она желта, совсем как осень,
Бела, как выпавший под утро снег,
Печальна так, что хочется забросить
Подальше все, чем жил, уйти от всех.

Но ведь она и зеленой июня.
Заворожит любовью, опьянит,
Когда волшебный ветер, пряный, юный,
Нас обовьет и вновь соединит.

* * *

Говори, говори мне, весна,
Про красивые, добрые зори,
Про счастливые ночи без сна,
Про веселые наши просторы.
Говори, говори мне, ручей,
Про свои непростые заботы,
Про игру многоцветных лучей
И снегов истомленные соты.
Сердцем новую песню ловлю,
Песню вольную и молодую.
Тараторят упрямые струи:
«Я живу, я хочу, я люблю».

* * *

Густой туман, как молоко,
Течет над огородами,
Глядишь как будто далеко,
А видишь куст смородины
В трех метрах от ноги твоей.
А дальше что – неведомо.
Шагни – и ты в небытие
Окажешься немедленно.

Для судьбы

Родных людей
Не ищут на гуляньях.
Родные люди там,
Где труд и пот.
Вглядишь в того,
Чье у плеча дыханье,
Когда проблем и дел
Невпроворот.
Ведь это он,
Такой простой, привычный, -
Необходимый в жизни
Человек.
Не для прогулок,
Как пиджак приличный,
На год или два,
А для судьбы – навек.

Е. С.

У тебя чудесный возраст:
Дни твои прелестны, юны.
Песни страстны и серьезные,
Но от них не рвутся струны;
Скоры разочарованья;
Спешны странные решенья;
Бродит кровь, кипят желанья;
Сердце словно в заточенье;
Чувств и мыслей – половодье;
Сладость с горечью смешалась;
Старые друзья уходят,
Новые легки, как шалость;
На сто дел хватает силы;
Сны тревожные – не часты, -
Он не прост, твой возраст милый,
Он – и боль твоя, и счастье.

Е. К.

Пусть скромности жемчужина в тебе
Не помутнеет от соблазнов разных.
Счастливым можно быть в простой избе,
Когда в ней нет углов чужих и грязных.
Грешно мечту лелеять о дворце.
Просторней в нем, зато трудней согреться.
Не в стенах счастье – в дружеском кольце,
Где не тускнеет теплый жемчуг сердца.

Женщинам

К истине дней стремясь,
Правдой спеша насытиться,
Чувствую рядом вас,
Ангелы хранительницы.

Если впавшему в раж
Легкость побед привидится,
Знак остановит ваш,
Ангелы хранительницы.

Если хвори клешня
Бросит в жар как лиственницу,
Вытащат из огня
Ангелы хранительницы.

Если в пути большом
Все изношу до нитицы,
Не обделят теплом
Ангелы хранительницы.

Если померкнет свет,
Тучи замонолитятся,
Божий укажут след
Ангелы хранительницы.

3. 12. 00

ЖЕНЩИНЕ

Из наблюдений, тонких, глупых, тайных,
Из ощущений, странных, словно сны,
Из шорохов и запахов случайных
Твой соткан мир. В нем грани не ясны.
В нем ты одна, пугливой дикой лани
И осторожней молодой лисы,
В нем пламя неосознанных желаний
Рождают страстной юности часы.
В нем все твое: чужие вздохи, боли,
Обрывки чьих-то фраз и чей-то смех.
Твой мир, что дикий лес, где пахнет волей,
Где рядом святость-страх и смелость-грех.

* * *

Здесь, в горах, где миг, как будто век,
Сознаешь, что истина проста:
Человеку нужен человек,
Остальное - только суета.
Ведь и так дано немало нам,
Чтобы жить, дышать, смеяться, петь,
Отдаваться зоревым мечтам
И душой над бездною лететь.
Разве мало далее голубых,
Гор, где в белой выси – тайна, риск,
Рек кипящих и ручьев шальных,
Звезд, огня и серпантина искр.
Этого довольно. Но душа
Ждет живое эхо гор и рек,
Ищет сердце, верую дыша, -
Человеку нужен человек.

* * *

Здесь прошлое встает из мрака
И, все простя, уходит в высь...
Ломают старые бараки,
Старинную ломают жизнь.
Немного больно и тревожно,
Ведь каждый дом и двор – судьба.
Ломать себя совсем несложно,
Но сложно возводить себя.

* * *

Здесь – высоко-высоко,
Где затаились века,
Можно погладить рукой
Бархатные облака
И без земной суеты,
Звона житейских оков
В тайну тумана войти,
Словно в жилище богов,
И поклониться немым,
Каменным идолам их,
Что над обрывом седым
В думах забылись своих.

ЗЕЛЕНОЕ НЕБО

Зеленое небо все в звездах цветковых.
А посередине березок семья.
И все-то здесь дружно, и все-то толково.
Хочу в этом небе быть чем-то и я.
Листком любопытным, росинкой веселой,
Спешащим домой полевым муравьем,
А может быть крохотной птахой, чье соло
Наполнило радостью сердце мое.
Когда я исчезну в безмолвии мрачном,
Как след мой вчерашний в дорожной пыли,
Пусть вместо меня расцветет одуванчик
Живою звездой на небе земли.

И БАТЮШКА, И МАТУШКА

Ушли года весенние
По тайному лучу.
Себе на день рождения
Картошки натолчу,
Чай заварю смородиной.
Вот будет славный пир
В родной избе на родине,
Где тишина и мир.
И будет печка, охая,
Калиться до красна,
И истина глубокая
Мне станет вновь ясна:
Под крышей доброй, строганной,
Что накрывал отец,
Жизневороту строгому
Начало и конец,
У печки старой, опытной,
Где хлопотала мать,
Исток любви безропотной:
Не брать, а отдавать...
Испив чайку душистого,
Присяду на крыльцо,
Чтоб свежестью лучистой
Овеяло лицо,
На улочке с соседями
Взболтну про жизни ход
И в сердце привередливом
Совсем растает лед.
Знакомыми дорожками
Поселок обойду.
Он живо помнит прошлое:
И радость, и беду.
Уходит все – он рядышком,
Как негасимый свет.
Он – батюшка и матушка,
Их суд, и их совет.

27 февраля 2000 г.

* * *

И в крови, и в мыслях столько хлама...
Как загадил нас цивилизный век...
Убегу к спасительному храму
Дивных гор и благородных рек.
Уведи к целительным истокам,
Горная, суровая тропа,
Окуни в кипящие потоки,
Проведи тайгой, не торопя,
К высоте, с которой все виднее:
Синие, могучие хребты,
Наши судьбы, вечные идеи,
Смелые вершины и мечты.
К ним пойду курумником на солнце,
Смою с сердца города следы,
Слушая, как под камнями бьется,
Словно пульс, струя живой воды.

* * *

И это жизнь моя:
Через пустырь тропинка,
Невзрачный перекресток...
Каждый день;
Чужие встречи для...
Благих речей пластинка,
Звонков, тупых и острых,
Дребедень.

И это жизнь моя:
Мельканье лиц знакомых,
Холодным рикошетом:
«Как живешь?»;
Больная мысль-змея:
«Зачем мы, кто мы, что мы
И для чего вся эта
Серость, ложь?»

И это жизнь моя:
Движение по кругу,
Холодные, слепые
Ночи, дни.
Найти б струю ручья,
Над ней – огонь и друга,
Но даль смешалась с пылью –
Где они?

И это жизнь моя:
Удача каплей блеклой
Твердеющему сердцу
Моему
И в суматохе дня
Нежданный, тихий оклик:
«А вы мне интересны...», -
Я?.. Кому?...

И. Щ.

Все ли складно у вас? –
И тревоги волна обжигает;
Не печаль ли в глазах?
И сжимается что-то в груди.
Почему? Ведь о вас
Ничегошеньки-то я не знаю...
Но желаю узнать
И жалею вас – хоть пропади.

И. М.

Вижу то грусть, то живое сияние
В сумраке теплых очей.
Думы тревожные, нежные, странные
Тонут в пучине ночей:
Может быть, ищешь ты душу усталую,
Странный корабль, полный тайн:
Где-то, скорбя о товарищах, плавает
Гордый, немой капитан...
Клавиши пальчик несмелый касается –
Льются не звуки, а свет.
Кто же ты, далее нездешних красавица?
Дай, наконец, мне ответ.

Ирине М.

Порою ведь и «старики» влюбляются
В девчонок, юных, как цветущий май.
Без притязаний – чтобы сладко маяться.
Никто не запретит сходить с ума.

И я украдкой радостно и трепетно
Любуюсь летней прелестью твоей,
Пытаюсь глупым стихотворным лепетом
Запечатлеть ее верней, скорей.

Трудом и солнцем, полем с вечной жаждою,
Цветком душистым в каплях божьих слез
Знакомо веет от движенья каждого,
От смуглого лица, густых волос.

Когда ты весела, все блекнут модники,
Когда смеешься ты, все словно спят, -
Ведь в этот миг две черные смородинки
В твоих глазах отчаянно блестят.

Когда же ты становишься задумчивой,
И взгляд твой – птица сердца твоего –
Летит куда-то в даль за синей тучею,
В тебе мне не понятно ни-че-го...

И славу Богу – сыты примитивами,
Страстями наизнанку, модой лжи.
Пусть будет больше истинно красивого,
Пусть будет хоть немного тайн души.

* * *

Как будто по призрачным волнам
Без весел, без спутников в дождь
С какой-то печалью невольной
Ты в даль колдовскую плывешь.

В туманном забвении тают
Домашний заботливый круг,
Счастливые детские тайны
И радостный щебет подруг.

Бледнеет над водною бездной
Твой хрупкий немой силуэт.
Уходишь, простившись любезно,
И гасишь, как ночь, алый свет.

Вот скрылась за облачным клубом.
Теперь и окликнуть нельзя.
Но помнятся яркие губы
И полные грусти глаза.

Все дальше спокойно и властно
Несет тебя жизни река
Туда, где за далью ненастной
Счастливые ждут берега.

* * *

Как будто расстаюсь надолго
С землей родной.
Качает осень-недотрогу
Дождей волной.
И падают, как звезды, листья
Среди воды,
И, словно прошлым, ими выстлан
Путь впереди.

* * *

Как светло и тепло,
словно лето вернулось.
Но порхает листва
над моей головой,
И последняя радость
в душе вострепелась,
Как воробышек
после дождя под стрехой.
Знать уже недалеко
дни сна и покоя.
Ни они ль облаками
толпятся в дали?
Все как надо,
противиться жизни не стоит.
Отгорит ярко лес
и душа отболит.
Но как хочется снова
открыться, согреться,
Знать не только мечты
и счастливые сны.
Что еще тебе надо
капризное сердце,
Чем тебя успокоить
хотя б до весны?

* * *

Какой студеный день...
Голодным псом у окон
То воет, то ворчит.
Прогнал бы, да нельзя...
Ворваться норовит
В приют мой одинокий,
Чтоб потушить огонь
И в нем твои глаза.
Нет, я не увлечен.
Побег зеленокожий
Легко не прорастет
Из треснутой коры,
В которой – опыт лет,
Но все же, все же, все же...
Ловлю печальный взгляд,
Пока свеча горит.
Пока свеча горит,
Душа моя стремится
Мир радостей и бед
Познать в душе другой,
Увидеть через нее
Дней ошалелых лица
И доброты мосток,
Прогнувшийся дугой.

* * *

Кто-то прошлой ночью
По лесу ходил,
Все вздыхал о чем-то,
Горько слезы лил,
В безутешном горе
Листья обрывал –
Весь сырым и серым
Лес под утро стал.

* * *

Лист осенний –
Дней сгоревших след...
Нет спасенья
От себя и лет.
Обнаженность
Неба холодна,
Обреченность
Сладостна до дна.
Горсткой листьев
В бездну упаду,
Где лучистый
Бьется свет во льду...

* * *

Лунным светом припорошена,
От волос твоих сияние.
Ах, какая ты хорошая,
Нерастрченная, ранняя!
Все в глазах твоих примечено:
Строгость девичья, прелестная
И улыбочивость беспечная.
Ты не сон ли, ты не песня ли?...

* * *

Маленькая принцесса,
Верь, что мечта не дым.
Кто-то за темным лесом
Ищет твои следы.
Сбудется сон красивый.
День, словно белый конь
В алой рассветной гриве,
Выйдет на твой огонь.
Молвит наездник слово –
Сердце подскажет: он.
Жизнью большой и новой
Станет волшебный сон.
Ты избежишь ошибки,
Коль сохранишь в тиши
Прелесть своей улыбки,
Лунный покой души.

МАРСИАНИЯ

Лгут фантасты, чаруя нас красками,
Что янтарны леса марсианские.
Вот у нас этой осенью раннею
Настоящая Марсиания.
Ясноглазая, сердцу открытая,
Словно солнечным душем омытая,
Ярко-рыжая раскрасавица.
Золотые фонтаны кудрявятся
И возносятся к небу высокому
Над дворами, балконами, окнами,
Осыпают листвою засвеченной
Крыши старые, улочки вечные.
Марсиания, золотомания
Опьянила меня, одурманила.
Ослепительная, лучезарная
Поднялась миражами янтарными
Над обыденностью нашей ровною,
И в душе моей, очарованной.

Октябрь 1999 г.

И. М.

Мой друг, позволь мне так тебя назвать,
Я чувствую опять на расстоянии:
Твое участие в моих исканьях,
Твои терзания. Дано мне знать,
Как птица сердца твоего тоскует
И бьется все отчаянней в груди:
«А вдруг никто не примет впереди
Правдивую и строгую такую?».
Ты в ожиданьи, ты воспалена:
Преодолев пространственные грани,
В мое сознанье, чуткое, как рана,
Вливается горячая волна.
И мне уже понять совсем непросто,
Где боль моя и где беда твоя.
Студеная январская струя,
Пронизывая голый перекресток,
Тревоги жар не охладит во мне.
Бреду ли я среди безмолвных зданий,
Встречаю ли в толпе знакомых давних –
Все пребываю в беспокойном сне.
Я понимаю, что тебя утешит.
Огонь глубинный ждет не лед, - огонь.
Он обожжет случайную ладонь
И отрезвит того, кто лжив и грешен.
Для преданного сердца он иной –
Великою любовью обернется.
Как много разных бродит нас под солнцем,
Как мало нас, похожих, под луной.

* * *

На бульваре осень, снова осень,
Вся в янтарном, солнечном меду.
В жарких кленах ледяная просинь –
То ли к счастью, то ли на беду.
Есть в осенней ясности тревога.
Кажется, что, завершая спор,
Кто-то жизнь швыряет на дорогу,
Несогласную с ним жизнь, как сор.
Проще быть царем в дрожащей роще,
Где иссохла и истлела мысль,
Где замолк неугомонный спорщик –
Чуткий лист, где знай одно – молись...
Золотится влажная дорожка
Для немых, доверчивых невежд.
Это весело – пройтись немножко
По обрывкам собственных надежд.

* * *

Не бывает ветра
В четырех стенах,
Умирает ветер
В духоте квартиры.
Но, покинув поле
В голубых цветах,
Он стучится в окна,
Серые от пыли.
Все его тревожит
В нашей суете:
Нищета «прихожих»,
«Детских» запусенье,
Праздный блеск «гостиных»
И грызня везде,
Где одолевает
Дух обособленья.
Я хочу быть ветром,
Чтобы за него
В зачумленных клетках
Сквозняки устроить.
Только сделать это
Очень нелегко,
Потому что это
Целой жизни стоит.

* * *

Не обгоняй себя, не торопись,
Умей ценить чудесные мгновенья,
Зови, лови минуточку вдохновенья,
Быть может, в ней вся будущая жизнь.
Никем, ничем не смей пренебрегать
И помыкать, имея превосходство.
Судьба лукава – тем же обернется.
На игры эти дней своих не трать.
Не попирая малого ногой,
Иди к большому и живи лишь этим.
Тогда, поверь, судьба тебя приветит,
И сердце встретит нежность и покой.

* * *

Ни окна, ни плетня,
Ни копны позабытой горбатой.
Только ветра возня,
Хоть в сугроб завались на ночлег.
Ни дороги, ни хат,
Только ели да пихты лохматы,
Только алый закат,
Только розовый, розовый снег.

Ни открытых дверей,
Ни людей бескорыстных и гордых.
Только грязь площадей
Да помятые шапки калек.
Только каменный град,
Только скучный поток пешеходов,
Только алый закат,
Только розовый, розовый снег.

Не купить, не продать
Только правду, как ветер над полем.
Не занять, не отнять
Только совесть, как небо у рек.
Если этим богат,
Одинок ты на свете, но волен...
И пылает закат,
И вздыхает оплавленный снег.

* * *

Обнажается тело земли
Для отчаянной радости жизни,
И ручьи, умывая отчизну,
Говорливы, светлы, веселы.
Первый вздох, первый признак огня
И родная, щемящая песня
Тех, кто верил и ждал с нами вместе
Благовестия нового дня.
Бесконечную русскую даль
Озарило рассветное пламя.
Просыпается мудрая память
И пронзает года, будто сталь.
Лица родичей, труд их и смех
Где-то здесь, как реальность иная.
Многих по именам вспоминаю
И по-свойски приветствую всех.
Воскресенье в потоке живом,
В отражении света хрустальном
И в лиловых цветах на поляне –
Воскресение в сердце моем.
Влажный ветер коснулся щеки,
Прошептал сокровенное: «Здравствуй,
Твой черед жить для вечности – властвуй.
Пусть труды твои будут легки».

ОЗИМЫЕ

Осин скелеты, небо стылое...
Кругом смиренье и бессилие.
Тоска во всем невыносимая.
И вдруг – озимые, озимые –
Зеленой вспышкой, дерзким вызовом.
Мы выстоим, мой брат, мы выживем.

* * *

Осень умна и честна.
Что-то в ней есть материнское.
И говорит она искренне –
Правда ее мне ясна.
Осень хранит мою боль,
Грусть мою делает светлую,
Не отнимает заветного.
Жизни в ней кроется соль:
Суетное опадет,
Тягостное затуманится,
И от страданий останется
Истины сладостный плод.

Первый снег

Первый снег дарит радость
озябшей земле.
Отогрелись сердца,
и стучат веселей.
Посветлели аллеи
и крыши домов.
Стало больше надежд,
нежных чувств, добрых слов.
Побелели асфальт
и решетки оград.
Щеки добрых прохожих
румянцем горят.
И приедем ясно –
здесь люди близки,
Ведь живут в этом городе
сибиряки.

Первый этаж

Живу на первом этаже,
И... то и дело слышу:
«Бросай «подвал» – пора уже,
Перебирайся выше.
Спускают гадость на тебя,
И в окна смотрит каждый.
Живешь в дерьме, себя губя,
Утонешь ведь однажды...
Используй свой авторитет –
И будет все законно...
Сейчас плевал бы на берет
Кому-нибудь с балкона».
Признать готов: вверху светлей,
Паришь над всеми птицей.
Зато – под сенью тополей –
Видны людские лица:
Забота вечная в глазах,
Надежды свет капризный...
Я вижу перед жизнью страх
И опьянение жизнью.
Еще – как в холод или зной
Растет, шалит, играет
День завтрашний, день молодой,
Удачный день для края...
Здесь утро радуется росой.
Здесь солнце бьется в листьях
И дождик шлепает босой.
Здесь корни вечных истин.

16.06.99

ПИСЬМО СОЛДАТА

Родина, далекая и близкая,
Родина, как грусть мою мне высказать,
Высказать в письме неровным почерком
Так, чтоб ты смогла меня понять.

Ты лежишь, земля моя желанная,
Там, в дали, за синими туманами,
Там, в дали, где дом родной в черемухе,
Дом, в котором ждет солдата мать.

Мне вчера берез приснились локоны,
Вся в цвету черемуха под окнами,
Теплый снег на белоснежной скатерти,
Только сон растаял без следа.

Родина, сейчас я понял многое,
Как нужна мне ты и как мне дороги
Шум твоих дождей и руки матери,
Понял я, твой сын и твой солдат.

Небо здесь такое же высокое,
Звезды здесь такие же далекие.
Только им тоски по дому отчему,
По земле родимой не унять.

Родина, далекая и близкая,
Родина, как грусть свою мне высказать,
Высказать в письме неровным почерком
Так, чтоб ты смогла меня понять.

* * *

Плывут дожди над городом,
Пронизанные холодом,
Качая кленов бороды,
Усы телеантенн.
Плывут, шурша, над крышами,
Примолкший люд укрывшими,
От хмурых глаз Всевышнего
И горьких перемен.

Снуют дожди, знобящие,
Над клумбами угасшими,
Водонапорной башнею,
Пустой, как скучный сон.
Снуют над перекрестками
С их правилами жесткими,
Где сразу за полосками
Прав сильный – не закон.

Дрожат дожди над скверами,
Над двориками серыми,
Окраинами скверными,
Где ржавый лист да грязь,
И над остывшей площадью,
Где флаг сырой полощется
И на гербе топорщится,
Бессилье пряча, власть.

Поле

До чего же это грустно, поле,
От дождя укрывшись под копной,
Видеть вдруг, с какой глубокой болью
С летней ты прощаешься порой.
Ах, как много было дней веселых,
Сколько ими высушено рос.
Сколько солнца на леса и села,
На тебя в дни эти пролилось.
Протекли они легко, как волны
По траве некошенной, густой,
Поле, поле, что же ты безмолвно?
Примиришь с обычною судьбой.
Не гляди так скучно и печально
На меня сквозь водяную пыль.
Я незванный гость, но не случайный
Прежнее тебя я не забыл.
На краю твоим березы плачут –
Опустили кудри до земли...
Все прошло, не может быть иначе:
Хоть моли судьбу, хоть не моли.
Кто придумал жизни круг, не знаю.
По нему идем и ты, и я.
Мудро все, что время предлагает
И родная, вечная земля.

* * *

Поплыли тальники, поплыли,
В серебре вешних вод утонули.
Снова влажная песня земли
Растревожила душу, как улей.
Я один на озябшем мосту
Над лазурною, талою лавой.
Без меня унеслись за версту,
Словно льдины, удача и слава.
Ну и пусть: ни к чему мне они.
Лишь одно сохранил я желанье:
Чтоб зажглись зоревые огни
И покинуло землю страданье,
Как холодный, оплавленный снег,
Окаймивший восставшую воду.
Не созрел до конца человек,
Чтоб любить бескорыстно свободу,
Не делить своевольной рукой
Землю, небо и эту дорогу.
Стали души от жизни такой,
Словно нищенки, тощи, убоги.
Ну а что человек без души?
Червь презренный, что, плод изъедая,
Гибнет с ним во вселенской глуши.
А с душой он – надежда святая...
Поплыли тальники, поплыли,
В серебре вешних вод утонули.
Снова влажная песня земли
Растревожила душу, как улей.

22 апреля 2000 г.

ПОСЕЛОК

Деревянный, тихий,
Простенький поселок,
Дом родной, тебе я
Век не изменю.
Нрав мне твой по сердцу,
Вид твой люб и дорог.
Ты, как сердцевина
Через жизнь мою.
Вновь домой с работы
Я иду усталый.
Вечерок январский
Синь, как лед пруда.
В инее, что в пудре,
Щеки зорьки алой.
Бусинкой над нею
Первая звезда.
А в домишках белых,
Дремлющих в сугробах,
Люди топят печи –
Дым стоит, как сад.
Словно мать на сына
Окна белобровы
Теплыми огнями
На меня глядят.

Посленовогоднее

Тот не прав,
а этот очень прав!
Как легко мы все
друг друга судим.
Что-то не меняется
наш нрав:
Губим розы чувств
и ели судеб.

Январь 2001 г.

ПРОСТАЯ

Такая же простая,
Как колосок средь нивы,
Живешь ты и не знаешь,
Что истинно красива.
Кругом красавиц много,
Но все, что та, что эта,
Из бархата и шелка.
Лишь ты из трав и света.

* * *

Разгорелся зеленый огонь,
Расплескался по веткам березовым...
Ничего в этой жизни не тронь –
Все меняется в ней только с пользою.
Прозвенел с косогора апрель,
Скоро высохнут синие лужицы
И черемуховая метель
Над твоей головою закружится.
Все для счастья и все для добра:
От великого древа до клеточки.
Быть с природой в согласьи пора,
Не ломай и в себе ее веточки.

* * *

Расстелив свою
Шубу заячью,
На дворе декабрь
Захозяйничал.
Наконец зима
Началась всерьез.
Все окно мое
Расписал мороз.
В уголке его,
Словно лодочка,
Месяц желтый и
Льдинки-звездочки.
Но в избе тепло.
Тихо дышит печь.
Долго в эту ночь
Не задую свеч.

Л. Гержидовичу
РУБАХА

Запыхтела мама-печка,
Отдыхавшая весь день.
Потянулись колечки
От трубы ее к звезде.
Над плитою сохнет, тяжело
Испареньями дыша,
Полинялая рубашка,
Полинялая душа.
Вся в кругах, разводах бледных –
Много в ней я поплутал,
Погрешил, поисповедал,
Разных шишек нахватал.
Было, было: божья милость
Не светила ни фи́га,
И душа моя просилась
На чужие берега.
Отплавал, но возвращался –
Вдруг не слушалось весло.
В одночасье исцелялся,
Не держал на сердце зло.
Снова шел в тайгу и детство,
Где спасительный очаг
И излечивает сердце
Боль в натруженных плечах,
Поднимает к жизни птаха,
С веткой к гнездышку спеша...
Просыхай, моя рубаха,
Полинялая душа.

Рябина

Осенью скучной,
осенью длинной
Отогревают
гроздь рябины
Души озябшие,
души без радости
Яркой улыбкою,
терпкою сладостью.

Дождик ни дождик,
грустно ни грустно –
Радуют сердце
алые бусы,
Сердце тревожное
и оробелое,
Ждущее празднество,
белое-белое...

С. Г.

Этот свет, то спокойный,
то переходящий в сиянье,
Растопил, словно лед,
мою крепость – следа уже нет.
Я стою, беззащитный,
в каком-то счастливом тумане.
И в душе у меня
занимается тихий рассвет.
Я забыл про копье
и меча уже не замечаю.
Щит червлёный опущен –
мне не угрожает ничто.
И изрубленный шлем,
золоченый живыми лучами,
Полон нежных цветов
и овсян несмелой мечтой.
Эй, лихие друзья,
разгонявшие разную нечисть,
Эй, стрелки удалые
и к смерти готовая рать,
Я не предал вас, нет,
но сегодня не хочется сечи,
Ведь глаза эти просят
жить смело, но не умирать.

Сани

Отшумело, отзвенело,
отгорело лето.
Что осталось? Только малость:
память о рассветах –
Голубом свеченьи утра
в золотой оправе,
Пепел листьев под ногами
да сухие травы.
По лугам плывут туманы
белыми клоками.
Из себя тоски не вырвать,
и она, что камень.
Мне б в тумане раствориться,
жить легко, как эхо,
Иль куда-нибудь от грусти,
убежать, уехать.
Скоро, скоро в чистом поле
понесутся сани
Звонко, лихо, с снежным вихрем
да морозцем славным.
Я их встречу и привечу
песней молодую,
И они меня, конечно,
заберут с собою.

СВЕТКА

Разводит рукой облака,
Росой умывается с ветки,
В хозяйских заботах легка
Девчонка по имени Светка.
Ее не пугает гроза –
Сама она – звонкое лето
С доверчивой искрой в глазах –
Девчонка по имени Света.
Когда непослушная прядь
Волной отрастает желанной,
Девчонку непросто узнать -
Становится Светка Светланой.

СВЕЧА

Вокруг тебя молодки
Легко и просто
Спускают сети на веселых женихов.
А ты не просто кротка...
Ты, словно остров,
Туманный остров из молитвы и стихов.

Встаешь еще при звездах,
Еще до солнца,
И тихой радостью встречаешь свет зари.
А очень-очень поздно
В твоём оконце
Свеча-советчица задумчиво горит.

И той свечи мерцанье
Я часто вижу
В бездонной темени простуженной ночи.
Оно то в дали дальней,
То где-то ближе,
То вовсе рядом, хоть возьми и постучи.

И в том мерцанье странном
Твой образ бледный
С годами смотрит все тревожней на меня.
И я, как сырой странник,
Как путник бедный,
Стою с протянутой рукой, себя кляня.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

Опять, грустя, бормочет,
О чем, не разберешь,
Душевный, непорочный,
Сентиментальный дождь.

О чем-то добром, нежном,
Чего так долго ждешь.
Он друг мечты, надежды,
Сентиментальный дождь.

Из юности и детства,
Минуя лесть и ложь,
Идет, лаская сердце,
Сентиментальный дождь.

* * *

Синеет снег,
Темнеет небо.
Уходит день
Куда-то в небыль.
А может, в завтра
Он уходит.
Тогда день каждый –
Дни и годы,
Тогда день каждый –
Жизни, судьбы
И тех, кто были,
И тех, кто будут.
А я,
Плохой или хороший,
Живу для будущего
В прошлом.

СЛЕДЫ

Весь двор в поржавевшей листве,
С ветвей тополиных упавшей.
Да был ли тот полдень вчерашний?
А может, причудилось мне
Дыханье травы под косой,
Мелькающее разноцветье,
Веселый, распахнутый ветер,
Пасущийся перед грозой.
Все было. Следы летних дней –
Отавная чистая зелень,
Под мокрую крышею сено,
Что шепчет о чем-то во сне.